

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2022. Т. 22, вып. 3. С. 277–282
Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy, 2022, vol. 22, iss. 3, pp. 277–282
<https://phpp.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1819-7671-2022-22-3-277-282>

Научная статья
УДК 130.2

Антропологическая природа хронотопа М. М. Бахтина

Ю. Л. Сироткин

Казанский институт (филиал) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России), Россия, 420126, г. Казань, ул. Фатыха Амирхана, д. 14

Сироткин Юрий Львович, кандидат социологических наук, доцент, кафедра теории, истории государства и права и философии, syurij75@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-9434-6314>

Аннотация. Введение. Обосновывается актуальность темы и формулируется цель исследования. **Теоретический анализ.** Предложена антропологическая интерпретация хронотопа М. М. Бахтина. Единство хронотопа поддерживается динамически неравновесным соотношением времени и пространства. Хронотоп расширяет представления о событии и месте. Одновременность присутствия человека в хронотопе и хронотопа в человеке органична и нераздельна. Своеобразие ощущения человеком пространственно-временного целого определяется способностью восприятия художественного образа, оформленного как текст. Человек ощущает несколько хронотопов и живет в них одновременно, но и они параллельно сосуществуют в человеке. Мир героев нарратива Возрождения становится открытым при сохранении целостности восприятия хронотопа. Исключительно важную роль играет дорога как место встречи при пересечении пространственно-временных перспектив. **Заключение.** Раскрыта антропологическая природа хронотопа. Понятие хронотопа определяется как пространственно-временное целое. Выводится формула человека в хронотопе и хронотопа в человеке. Континуальность хронотопа обозначается событием и местом. Восприятие времени-пространства носит конкретно-исторический характер и осуществляется посредством постижения художественного образа. В Новое время закрепляется универсализация восприятия хронотопа, углубляющая представления о его антропологической природе.

Ключевые слова: антропоцентризм, человек, хронотоп, время, пространство, целое

Для цитирования: Сироткин Ю. Л. Антропологическая природа хронотопа М. М. Бахтина // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2022. Т. 22, вып. 3. С. 277–282. <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2022-22-3-277-282>

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

The anthropological nature of M. M. Bakhtin's chronotope

Yu. L. Sirotkin

Kazan Institute (branch) of the All-Russian State University of Justice (RPA of the Ministry of Justice of Russia), 14 Fatykh Amir Khan St., Kazan 420126, Russia

Yuri L. Sirotkin, syurij75@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-9434-6314>

Abstract. Introduction. The relevance of the topic is substantiated and the purpose of the study is formulated. **Theoretical analysis.** An anthropological interpretation of M. M. Bakhtin's chronotope is proposed. The unity of the chronotope is maintained by the dynamically nonequilibrium ratio of time and space. Chronotope expands the idea of an event and a place. The simultaneous presence of a person in a chronotope and a chronotope in a person is organic and inseparable. The peculiarity of a person's perception of a space-time whole is determined by the ability to perceive an artistic image framed as a text. A person feels several chronotopes and lives in them simultaneously, but they also coexist in a person in parallel. The world of the heroes of the Renaissance narrative becomes open, while maintaining the integrity of the chronotope perception. The role of the road as a meeting place at the intersection of space-time perspectives is of exceptional importance. **Conclusion.** The anthropological nature of the chronotope is revealed. The concept of a chronotope is defined as a space-time whole. The formula of a person in a chronotope and a chronotope in a person is derived. The continuity of the chronotope is indicated by an event and a place. The perception of time-space has a concrete historical character and is carried out through the comprehension of an artistic image. In Modern times, the universalization of the perception of the chronotope is being consolidated, deepening the understanding of its anthropological nature.

Keywords: anthropocentrism, man, chronotope, time, space, whole

For citation: Sirotkin Yu. L. The anthropological nature of M. M. Bakhtin's chronotope. *Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2022, vol. 22, iss. 3, pp. 277–282 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2022-22-3-277-282>

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Введение

Обращение гуманитарных знаний к проблематике пространства–времени закономерно. Создание антропологической модели постижения времени приблизит нас к сущностному пониманию человека посредством его многомерного осмысления как результата усилий совокупности гуманитарных наук, что согласуется с необходимостью объяснения антропоцентрических истоков времени. Эпистемологическая ценность попыток обозначить исходные направления в понимании человека соизмерима со значительностью обзора пространства и воспринимаемого времени. Человек неизбежно расширяет границы познания, преодолевающие пространственно-временные ограничения и устремляется в бесконечность. Интерпретация М. М. Бахтиным [1895–1975] хронотопа с позиций антропоцентризма оказала на проблематику природы пространственно-временного континуума значительное влияние и во многом определила антропологический вектор познавательного поиска. Цель настоящей статьи – попытка обоснования антропологической природы хронотопа средствами художественного видения мира и человека в творческом наследии Бахтина.

Теоретический анализ

Основной тезис доклада А. А. Ухтомского, прослушанного Бахтиным в 1925 г., – «Мы живем в хронотопе» – явился исходной идеей, развернутой Бахтиным философско-литературоведческой конструкции ощущения времени–пространства. Хронотоп понимался Бахтиным как пространственно-временное целое, в котором пространство и время не раздельны, но подвижны в своей целостности. Хронотоп как метафора превращен Бахтиным в философско-филологический термин, содержание которого предполагает способность человека видеть время. В зависимости от индивидуального восприятия время могло изменять длительность и плотность. Время раскрывается в пространстве. Пространство измеряется временем, а хронотоп обретает значение «времяпространства» и «пространствовремени». Метафоричность термина «хронотоп» не отменяет его эвристической ценности в понятийной определенности означающего. Хронотоп раскрывается Бахтиным как «формально-содержательная категория литературы», обозначающая континуальность пространства и времени [1, с. 341]. Время в хронотопе уплотняется; пространство интенсифицируется. Это характеристика художественного хронотопа, но им не ограниченная.

Ведущим в хронотопе является время, которое определяет художественный образ. Для укоренения и распространения понятия, включая его использование, важно означение им неразрывности пространства и времени. В художественном повествовании континуальность обозначается событием и местом. «Время вовлекается в событийность человеческой жизни и в этой событийности обретает свою качественность» [2, с. 346]. Хронотоп дает основания для понимания событий. Событийная канва осваивается путем изменения плотности исторического и антропологического времени в локализованном пространстве, что позволяет представить событийность, используя художественные средства. Антропологизм глубоко укоренен в природе хронотопа. Человек и человеческие отношения составляют системообразующее основание хронотопа. «У Бахтина, – уточняет Н. К. Бонецкая, – проблема времени включена в проблему отношения к другому» [2, с. 349]. Пространство и время концентрируются в человеке и им осмысливаются. Критерием антропологического времени становится человек во всех проявлениях его многомерной личности. Человек сосредоточивает в себе окружающий мир, продукты деятельности и результаты творческой активности. Устанавливается зависимость между активностью, охватом пространства будущего и действительностью хронотопа в историческом измерении. М. Холквист предлагает дополнить понимание хронотопа «устойчивым формальным элементом, близким по статусу “мотиву” и “функции”» [3, с. 232], что существенно обогащает содержание понятия и расширяет его эвристические горизонты.

Человек пребывает в хронотопе, и одновременно хронотоп находится в человеке. Время и человек сосуществуют; они интегрированы и сопряжены друг с другом. Бахтин предпочитает формулу человека во времени. Время раскрывает «историческое богатство человека», позволяет актуализировать потенциал «бесконечного развития» и одновременно обозначает границы развития человека в каждый исторический период. В реальном историческом времени при условии глубокого усвоения и проникновения в его дух убедительнее становится образ исторического человека. В этом заключается преимущество исторического времени над изобразительными возможностями современности. Данное преимущество действительно относительно человека, обладающего потенциалом творческой активности, которая определяется мерой исторической субъектности.

Хронотоп и человек раскрываются и изображаются как целостность, поддерживаемая дина-

мическим уравниванием. Человек и его отражение в образах обуславливается хронотопом. Это исходное положение Бахтина, нашедшее обоснование в его творческом наследии. Образ человека, убежден Бахтин, «живет и раскрывается во времени; его формирует, ограничивает и пронизывает время. Отношение к прошлому, настоящему и будущему» [4, с. 570]. Не менее важно, что локализация образа осуществляется относительно времени; отношения времени к авторскому времени, т.е. современности и, самое важное, к будущему. Человек не совпадает с самим собой настолько, насколько он причастен к будущему. Это расхождение зависит от того, в какой степени настоящее пронизано будущим. В завершении жизненного пути, т.е. антропологического времени, будущее покидает настоящее, а человек исчерпывает индивидуальный потенциал бытия, оставаясь в настоящем.

В литературе художественный образ становится способом постижения времени и пространства. Как в искусстве в целом, так и в романе хронотоп измеряется человеком. Как в жизни, так и в романе (шире – произведениях искусства), «время вносится во внутрь человека» [5, с. 288–329]. Там оно существует и живет вместе с человеком. Время в человеке и человек осуществляет становление во времени и со временем. Человек становится вместе с миром; он должен стать иным и соответствовать миру, им изменяемому. Это тип человека, соответствующего историческому будущему, и человек, который входит в сферу исторического бытия. «Одержанию бытием» как пафосу философии Ницше Бахтин противопоставил поступок, который превращает бытие в событие [6, с. 443]. Время движется событиями, если время бессобытийно, то оно останавливается. О событиях информируют, сообщают о месте и времени его совершения [1, с. 496]. Сознание человека соотносит и сопрягает события. Хронотоп становится центром событийной конкретизации. Мерой событийности оказывается поступление. Не останавливаясь на различии бытия и события, отметим, что личность «из бытия становится событием». Согласно одной из моделей развития личности структура поступка изоморфна структуре личности, в том числе и поэтому философия поступка означает переход к «социальной онтологии» [7, с. 683]. «Человек поступающий» обозначается знаково-текстовой конструкцией и раскрывается в диалоге со временем [8, с. 311]. Причем текст ограничен историческим пространством, одновременно бесконечным, как и само человечество с его необозримыми горизонтами бытия и вечностью во времени.

Тем не менее человек существо историческое в силу однократности жизни и ограниченности ее во времени и пространстве. Перевод на язык философии предмета художественного видения и образного осмысления предполагает решение задачи автора, опирающегося на литературный язык и соответствующий канонам художественного повествования текст. Созданный в литературе образ отличается от понятия «человек» в человековедческих дисциплинах. Несмотря на отличительные особенности (прежде всего художественное изображение человека), образ человека имеет перспективы обрести значение понятия посредством «овеществления», говоря языком науки, посредством взаимодействия процессов перехода субъекта в объект и обретения человеком нового качества субъектности [9, с. 352]. Вещь по Бахтину противопоставляется личности. Так образ осуществляет движение по пути к понятию, утрачивая признаки «образности» и завершая понятийное оформление. Вместе с тем человек может и не стать личностью и не преодолеть «овещественность», а остаться объектом, лежащим в зоне интересов других. В итоге образ человека, претендующий на понятийное обозначение «человек», может либо реализовать свои претензии, либо остаться в хронотопе образа.

Человек мыслит и говорит на определенном языке. Мышление и речь – феномены личностные. Восприятие времени также носит индивидуально-личностный характер; оно конкретно по преимуществу. Образы, как и люди, индивидуально-историчны. Пространство, ими воспринимаемое, изображается с топографической точностью, как и стремящееся к конкретности предвидение того нового, которому принадлежит будущее. Освоение человеком времени происходит через метапространство «больших языков», тогда как историческое пространство осмысливается в пределах национальных языков и диалектов, которые усиливали местный колорит и помогали его осмыслению. Язык формирует мировоззрение, поэтому каждое понятие, в том числе и интонационно или стилистически окрашенное, выражает отношение воспринимающего сознания к предмету познания. Язык меняется вслед за историей, выражая диалектику постижения времени своими означающими означаемого.

Человек изменяет представления о времени–пространстве в соответствии с собственными изменениями в ходе эволюции и смены эпох. Бахтин обращается к литературе Античности, Средневековья, Возрождения и Нового времени. В основе конструкции восприятия времени че-

ловеком лежит идея со-присутствия человека во времени и времени в человеке. Это стремление к целостности появилось на «углубленной и осложненной ступени развития», оформившейся в эпоху Ренессанса. Пространство связывается с образом человека. Осуществляется выход на пространственно-временные просторы, которые оказываются предрасположенными к воссозданию и воспроизводству качественно иного пространственно-временного континуума, соответствующего запросам нового человека и формам его общежития [1, с. 420]. Человек новой эпохи требовал разрушения сложившейся прежде вертикали. Впрочем, и изжившая себя вертикаль с ее «верхом» и «низом» обусловила обретение человеком иного качества. Проблема антропологического времени сосредоточивалась на ограниченном и замкнутом жизненном пространстве. С наступлением новой эпохи инициируется расширение «индивидуального ряда жизни» до масштабов мира, где исторический персонаж наделяется чертами героя. Тем не менее человек сохраняет «целостный телесно-духовный» облик, а его жизнь, как и смерть, бесследно исчезает в социальном и индивидуальном мире исторического времени.

Время не является фактом, а раскрывается и познается сознанием. Это означает возможность реконструкции восприятия человеком своего исторического времени не только будучи его современником. Именно в человеке ощущается присутствие времени, которое раскрывается посредством внутреннего аспекта жизни. Индивидуальное время ограничено, оно обрывается смертью. Это «существенный конец». Но что он значит в потоке жизни? То, что предполагает изъятие из целого, т. е. мира, занятого обеспечением линейности развития. Индивидуальная жизнь относительно автономна, ее ряды не сливаются с историческим временем. В предшествующий Ренессансу период истории прослеживается тенденция поиска возможностей встраивания частной жизни в исторический контекст. Попытки вписать частную жизнь в историю оказывались не всегда удачными, независимо от эпох и жанров. Иные перспективы открывает Возрождение. Пространственно-временной мир становится открытым. При этом целостность восприятия человеком хронотопа сохраняется. Реалистической эмблематикой хронотопа становятся символы «встречи», «дороги», «порога», «перелома» и т.д. Наивысшей смысловой напряженности достигает встреча путников на дороге как точке пересечения пространственных и временных путей. На перекрестке скрещиваются судьбы и жизни, редуцируются социальные дистанции,

зарождается событийность. В событийности время и пространство обретают континуальность, сохраняя стержневую основу целостности. Дорога несет на себе печать интенсифицированного исторического времени. Локальности выступают свидетелями исторического времени, они соединяют исторический ряд с приватным и биографическим рядами. Локальность становится доминантой в восприятии пространства. Цикличность определяет движение времени, в ее отсутствие движение останавливается и жизнь обесмысливается. На примере идиллического хронотопа определяется единство места и жизни человека. В отношении поколений это единство стирает границы между индивидуальными жизнями и временными периодами отдельной жизни. Место создает условия для восприятия циклического течения времени. Цикличность заложена в многоидейности хронотопа. Одной из них является идея кругообразного движения, которая актуализируется нарушением логики образов в их пространственно-временном измерении [10, с. 56]. Значительное по меркам истории событие присутствует в конкретном историческом пространстве и в нем же ощущается. Традиции восприятия времени, заложенные в эпоху Ренессанса, сохранились в Новом времени и освященные рационализмом Просвещения эволюционировали на протяжении XX в., модернизированные современным человеком. Иллюстрацией предложенному резюме служит антропоцентрический характер восприятия хронотопа у Гете и Достоевского при доминирующей тенденции неперменного присутствия прошлого в настоящем как моменте непрерывного развития и связи прошлого, настоящего и будущего, которые находятся в замкнутом круге необходимости. У каждого из упомянутых писателей взгляд на хронотоп индивидуален. Гете воспринимал и описывал время плотным, а пространство интенсивным и осмысленным человеком. Он обнаруживает сосуществование в одной точке пространства времен, что раскрывает полноту времени. Сгущенность, уплотненность и другие характеристики времени углубляют его понимание, расширяют границы охвата пространства и активизируют творческие возможности познания хронотопа на основе его антропологической природы. В моментах «необходимости и полноты времени и связи с чувством времени», по мнению Бахтина, заключена эпистемологическая ценность отражения времени, поднявшаяся над ограниченностью эпохи Просвещения с ее морализаторством, рационализмом и утопичностью. Достоевский исключал историческое время из

повествования, в осмыслении образов отдавая предпочтение пространству. Мир героев определяет настоящее. Время лишается продолжительности и кажущейся временной перспективы. Герои Достоевского «сходятся вне времени и пространства»; они переносятся в вечность. На примере перевоплощения героев романа «Преступление и наказание» (Раскольников, Сони Мармеладовой, Свидригайлова, Лужина и др.) П. Х. Тороп убедительно показывает взаимосвязь трех уровней хронотопа: топографического (гомофонии), психологического (полифонии) и метафизического (гетерофонии) на фоне противопоставления (и одновременно взаимовлияния) антропоцентризма и теоцентризма [11, с. 85–86]. Имеются и другие свидетельства подвижности пространства–времени в романах Достоевского [12]. Время у Достоевского задано «как проблема истории личности и качество самосознания», «как субъективный опыт переживания» [13, с. 496]. Пространство обозначается символами и формируется самосознанием героев. Несмотря на тонкость и остроту восприятия времени–пространства каждым писателем, их понимание и художественное переосмысление хронотопа имеет выраженную тенденцию к универсализму. Количество примеров можно продолжить, как и расширить сравнительный анализ, выделив общее и особенное, присущее каждому автору, но ограничимся сказанным, которого более чем достаточно для иллюстрации причудливых траекторий эволюции и безграничных возможностей хронотопа, обусловленных его антропологической природой.

Заключение

Предложенный анализ позволил раскрыть антропологическую природу хронотопа. Человек и человеческие отношения составляют системообразующее основание хронотопа. Человек и его отражение в образах обусловлено хронотопом. В литературе художественный образ становится способом постижения времени–пространства. Хронотоп оказывается центром событийности, а его мерой становится поступление. Возможность перехода образов в понятие заключается в преодолении «овеществленности». Восприятие времени носит конкретно-исторический характер. Эволюция представлений о времени обусловлена эпохой, в которой живет человек, так же как человеком, изменяющим эпоху. Каждая эпоха обеспечивает соответствующее ей восприятие времени–пространства. Историческое время объединяется с приватным и биографическим в локальности, которая становится доминантой восприятия пространства. Роман эпохи Гете и

Достоевского закрепил переход к универсализации восприятия хронотопа, углубив представления о его антропологической природе.

Список литературы

1. Бахтин М. М. *Формы времени и хронотопа в романе // Бахтин М. М. Соч. : в 7 т. Т. 3. М. : Языки славянских культур, 2012. С. 340–503.*
2. Бонецкая Н. К. *Бахтин глазами метафизика. М. ; СПб. : Центр гуманитарных инициатив, 2016. 560 с.*
3. Холквист М. *Диалог истории и поэтики // М. М. Бахтин : pro et contra. Антология. Т. 2. СПб. : РХГИ, 2002. С. 229–276.*
4. Бахтин М. М. *К вопросам теории романа // Бахтин М. М. Соч. : в 7 т. Т. 3. М. : Языки славянских культур, 2012. С. 557–607.*
5. Бахтин М. М. *К «Роману воспитания» // Бахтин М. М. Соч. : в 7 т. М. : Языки славянских культур, 2012. Т. 3. С. 218–335.*
6. Бахтин М. М. *Комментарии // Бахтин М. М. Соч. : в 7 т. М. : Русские словари, 2000. Т. 2. С. 428–653.*
7. Бахтин М. М. *Описание конспектов, предназначенных для использования в книге «Проблемы творчества Достоевского // Бахтин М. М. Соч. в : 7 т. М. : Русские словари, 2000. Т. 2. С. 654–758.*
8. Бахтин М. М. *Проблема текста // Бахтин М. М. Соч. : в 7 т. М. : Русские словари, 1997. Т. 5. С. 306–328.*
9. Бахтин М. М. *1961 год. Заметки // Бахтин М. М. Соч. : в 7 т. Т. 5. М. : Русские словари, 1997. С. 329–363.*
10. Бахтин М. М. *К вопросам теории романа. К вопросам теории смеха [О Маяковском] // Бахтин М. М. Соч. : в 7 т. М. : Русские словари, 1997. Т. 5. С. 48–62.*
11. Тороп П. Х. *Перевоплощение персонажей в романе Ф. Достоевского «Преступление и наказание» // Ученые записки Тартуского государственного университета. Вып. 831: Труды по знаковым системам XXII. Зеркало. Семиотика зазеркальности. 1988. С. 85–96.*
12. Цивьян Т. В. *О структуре времени и пространства в романе Достоевского «Подросток» // Из работ московского семиотического круга : сборник статей / сост. и вступ. ст. Т. М. Николаевой. М. : Языки русской культуры, 1997. С. 661–706.*
13. Бахтин М. М. *Бахтин : pro et contra // Антология : в 2 т. Т. 1: Комментарий Г. Волошина. Пространство и время у Достоевского. СПб. : Издательство РХГИ, 2001. С. 495–499.*

References

1. Bakhtin M. M. *Formy vremeni i khronotopa v romane*. In: Bakhtin M. M. *Soch.*: v 7 t. [Essays: in 7 vols.]. Moscow, Yazyki slavyanskikh kul'tur Publ., 2012, vol. 3, pp. 340–503 (in Russian).
2. Bonetskaya N. K. *Bakhtin glazami metafizika* [Bakhtin Through the Eyes of a Metaphysician]. Moscow, St. Petersburg, Tsentr gumanitarnykh initsiativ Publ., 2016. 560 p. (in Russian).

3. Kholkvist M. Dialogue of history and poetics. In: *M. M. Bakhtin: pro et contra. Antologiya*. Т. 2 [M. M. Bakhtin: Pro et contra. Anthology. Vol. 2]. St. Petersburg, RKhGI Publ., 2002, pp. 229–276 (in Russian).
4. Bakhtin M. M. K voprosam teorii romana. In: Bakhtin M. M. *Soch.* v 7 t. [Essays: in 7 vols.]. Moscow, Yazyka slavyanskikh kul'tur Publ., 2012, vol. 3, pp. 557–607 (in Russian).
5. Bakhtin M. M. K «Romanu vospitaniya». In: Bakhtin M. M. *Soch.* v 7 t. [Essays: in 7 vols.]. Moscow, Yazyki slavyanskikh kul'tur Publ., 2012, vol. 3, pp. 218–335 (in Russian).
6. Bakhtin M. M. Kommentarii. In: Bakhtin M. M. *Soch.*: v 7 t. [Essays: in 7 vols.]. Moscow, Russkie slovari Publ., 2000, vol. 2, pp. 428–653 (in Russian).
7. Bakhtin M. M. Opisanie konspektov, prednaznachennykh dlya ispol'zovaniya v knige «Problemy tvorchestva Dostoevskogo». In: Bakhtin M. M. *Soch.* v 7 t. [Essays: in 7 vols.]. Moscow, Russkie slovari Publ., 2000, vol. 2, pp. 654–758 (in Russian).
8. Bakhtin M. M. Problema teksta. In: Bakhtin M. M. *Soch.* v 7 t. [Essays: in 7 vols.]. Moscow, Russkie slovari Publ., 1997, vol. 5, pp. 306–328 (in Russian).
9. Bakhtin M. M. 1961 god. Zametki. In: Bakhtin M. M. *Soch.* v 7 t. [Essays: in 7 vols.]. Moscow, Russkie slovari Publ., 1997, vol. 5, pp. 329–363 (in Russian).
10. Bakhtin M. M. K voprosam teorii romana. K voprosam teorii smekha [O Mayakovskom]. In: Bakhtin M. M. *Soch.* v 7 t. [Essays: in 7 vols.]. Moscow, Russkie slovari Publ., 1997, vol. 5, pp. 48–62 (in Russian).
11. Torop P. Kh. The reincarnation of the characters in the novel by F. Dostoevsky “Crime and Punishment”. *Uchenye zapiski Tartuskogo gosudarstvennogo universiteta. Iss. 831: Trudy po znakovym sistemam XXII. Zerkalo. Semiotika zazerkal'nosti* [Scientific Notes of Tarty State University. Iss. 831: Works on sign systems XXII. Mirror. Semiotic of mirroring]. Tartu, TGU, 1988, pp. 85–96 (in Russian).
12. Tsiv'yan T. V. About the structure of time and space in Dostoevsky's novel “The Teenager”. In: *Iz rabot moskovskogo semioticheskogo kruga: sbornik statey* [From the works of the Moscow semiotic circle: Collection of articles]. Moscow, Yazyki russkoy kul'tury Publ., 1997, pp. 661–706 (in Russian).
13. Bakhtin M. M. Bakhtin: pro et contra. In: *Antologiya: v 2 t. T. 1. Kommentariy G. Voloshin. Prostranstvo i vremya u Dostoevskogo* [Bakhtin: Pro et contra. Anthology: in 2 vols. Vol. 1: Dostoevsky's Space and Time]. St. Petersburg, RKhGI Publ., 2001, pp. 495–499 (in Russian).

Поступила в редакцию 23.04.2022; одобрена после рецензирования 22.05.2022; принята к публикации 22.06.2022
The article was submitted 23.04.2022; approved after reviewing 22.05.2022; accepted for publication 22.06.2022